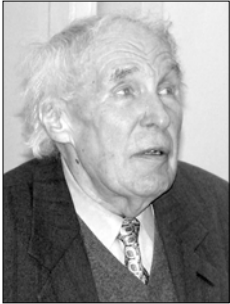

† Профессиональное кредо

О СЕБЕ, ФИЛОСОФИИ И ВРЕМЕНИ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ В.Ж. КЕЛЛЕ, 17 ИЮЛЯ 2009 Г.)

Келле Владислав Жанович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, член редсовета нашего журнала «Личность. Культура. Общество» (Москва). К огромному прискорбию, его не стало этим летом. Но еще будут сказаны прощальные слова. А мне бы хотелось в этом интервью донести читателям мысли и чувства этого замечательного человека и ученого.

С Владиславом Жановичем я познакомился в самом конце 1980-х гг. Вспоминаю свою первую (как одного из организаторов) конференцию в МГУ им. М.В. Ломоносова («Социальная философия в конце XX века», декабрь 1990 г.), в которой принимали участие многие известные отечественные философы, в т.ч. и В.Ж. Келле. Для меня стало настоящим открытием то обстоятельство, что этот авторитетный ученый, которого я знал по книгам еще со студенческих времен, оказался прост и доступен в общении с молодыми коллегами. Меня поразила не только четкость его научной позиции, которую он не уставал отстаивать на протяжении последних десятилетий, но и его потрясающая скромность в манере поведения и общения. При этом за спиной этого человека стояли Великая Отечественная война, участником которой он был практически с первых дней, огромный опыт научной и преподавательской работы, многочисленные монографии и учебники. Для большинства из нас он является олицетворением целой эпохи в отечественной науке, примером служения ее идеалам.

Шли годы, и наши встречи с Владиславом Жановичем становились все более регулярными. Однако нам не удавалось поговорить всерьез. Так получилось, что ровно через десять лет мы продолжили наше неформальное общение на очередной конференции («Человек, культура и общество в контексте глобализации», 2000 г.), которая стала поворотным пунктом в развитии наших отношений. Я пригласил Владислава Жановича сделать доклад на пленарном заседании, и он любезно согласился. Так завязалось наше тесное сотрудничество, которое принесло мне (не буду говорить о мнении Владислава Жановича) много интересного и полезного.

Потом, спустя несколько лет, мы стали работать вместе, сначала в Институте человека РАН, куда он рекомендовал меня на работу главным научным сотрудником, а затем в одном отделе Института философии РАН. Владислав Жанович поддерживал наш журнал практически с момента его создания, являясь неизменным членом редсовета. Наши встречи и беседы с ним стали не только регулярными, но и глубокими по содержанию. Последние десять лет он стал для меня настоящим духовным наставником.

Не было случая, чтобы при встрече с ним в Институте философии мы не обменивались мнениями, советовались по текущим вопросам нашей жизни.

Особо хочу отметить участие Владислава Жановича в наших конференциях и семинарах. Мне трудно подсчитать, сколько раз я приглашал его выступить с докладом на конференции в последние десять лет. Он был постоянным участником научной конференции «Человек, культура и общество в контексте глобализации» (всего прошло 7 конференций), научного симпозиума «Социальная теория и проблемы социально-гуманитарного образования на постсоветском пространстве», который проводится ежегодно в Рязани, начиная с 2007 г. Его доклады и стиль общения всегда вызывали восхищение у других участников.

Это был удивительный человек! Ко всему, что связано с его любимым делом – философией, он относился чрезвычайно серьезно. Об этом свидетельствуют его публикации, выступления и интервью. Но особенно памятно его бережное и деликатное отношение к людям, с которыми он работал.

Уважаемые коллеги! Предлагаю вашему вниманию второе интервью с Владиславом Жановичем Келле, которое мне удалось взять у него летом прошлого года. И хотя Владислава Жановича уже нет с нами, но мы будем помнить его мысли о себе и размышления о ситуации в отечественной науке и стране в целом. Его самоотверженный труд на ниве науки и любовь к людям навсегда войдут в нашу память.

Ю.М. Резник

Юрий Михайлович Резник: *Уважаемый Владислав Жанович! Свыше восьми лет назад у нас состоялось с Вами первое интервью, которое опубликовано в нашем журнале в самом начале 2002 г. (см. прим. 2). С тех пор, как говорится, много воды утекло. Изменилась ситуация в стране и науке. Мы перешли с Вами работать в Институт философии РАН, хотя и остались, как прежде, сотрудничать в одном секторе. Хочу задать Вам несколько вопросов в связи с Вашим нынешним мироощущением.*

Владислав Жанович Келле: *Спасибо за Ваш неослабевающий интерес к моей персоне. Постараюсь, насколько смогу, искренне ответить на Ваши вопросы.*

О философии

Ю.М.: *Владислав Жанович! Вы относитесь к числу долгожителей в философии. Свое философское образование Вы закончили еще в годы войны. И с 1945г., уже будучи в аспирантуре философского факультета МГУ, Вы начали свою научную и преподавательскую карьеру. Прошло около 65 лет с тех пор, как Вы начали работать на философском поприще. По нынешним меркам – это средний жизненный путь человека. Как Вы оцениваете эволюцию своих философских взглядов на протяжении всего этого периода? Были ли у Вас принципиальные идейные разногласия с существовавшим режимом или с конкретными людьми, олицетворявшими тогдашнее «философское начальство»?*

В.Ж.: *Моя жизнь в философии далека от модели последовательного и постепенного восхождения к вершинам профессии. Была она беспокойной, противоречивой, иногда прерывалась на годы, и я был вынужден уходить в смежные области.*

Были и взлеты, и падения, и творческие достижения, и досадные ошибки и проколы. Но о добровольной смене рода занятий я не помышлял. Философия открывала для меня поле интереснейших проблем.

Что касается идейных разногласий с режимом, то они, конечно, были. Я не буду перечислять все то, что мне не нравилось в нашем общественном бытии, ибо это заняло бы слишком много места. Для меня критический подход к реальности был, помимо всего прочего, элементом профессии, ведь критическое мышление присуще философии с античных времен. Однако против советской власти я никогда не выступал. Заложено в ее идеях социалистическое начало является разумным, справедливым и гуманным. Я полагал, что по мере развития оно все в большей степени будет определять жизнь общества, высшим идеалом которого является записанный в «Коммунистическом манифесте» принцип: «Свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» и «Только в коллективе возможна личная свобода».

Основанием для такого подхода служила сама история России. Страна вырывалась из нищеты, бескультурья масс, экономической отсталости. Страшным кровавым пятном на ее истории был сталинский террор. Но «культ личности» был осужден, масса невинно пострадавших людей реабилитирована. С политикой государственного террора было покончено... При всех недостатках брежневский режим предпочтительнее сталинского. Значит, страна извлекала уроки и двигалась вперед. Так я думал тогда.

Ю.М.: Чем был обусловлен Ваш выбор тем и проблем в философии? Ведь Вы начинали свою научную деятельность как специалист по философии Гегеля, затем долгие годы занимались в сотрудничестве с М.Я. Ковальзоном проблемами исторического материализма, потом были годы работы в области социологии науки в Институте истории естествознания и техники РАН, а после перехода в Институт человека РАН Вы обратились к проблемам человека, личности, культуры, не теряя по-прежнему интереса к другим проблемам.

В.Ж.: Действительно, мне неоднократно приходилось круто менять тематику работы, но она в основном укладывается в три главные области моих научных интересов: исторический материализм (социальная философия), социология науки и философия культуры. Переход от одной области к другой никогда не был случайным.

Интерес к эмпирической социологии возник у меня еще в середине 1960-х гг. Он «вызрел» из стремления оценивать советскую действительность, опираясь на реальное знание, а не на идеологические клише или абстрактные схемы, которые преподносились от имени исторического материализма. Его научный авторитет стремительно падал. И я занялся проблемой связи теоретического и эмпирического уровней в социологии, организовал группу ученых для проведения конкретных исследований в области социологии науки.

А когда меня вынудили уйти из Института философии, где я руководил сектором исторического материализма, социология науки оказалась моей резервной площадкой. Я был переведен в Институт истории естествознания и техники РАН. Перейти туда без проблем мне помог директор ИИЕТ член-корреспондент АН СССР Семен Романович Микулинский, с которым у меня были тогда дружеские отношения. Там я проработал почти 20 лет.

В моих научных занятиях с самого начала был сделан акцент на анализе социальных проблем науки, поэтому не случайно к 1980-м гг. я все больше склонялся к необходимости всерьез заняться наукой как явлением культуры. На выбор этого на-

правления повлиял приход в наш сектор Наля Степановича Злобина – известного культуролога, одного из разработчиков марксистской гуманистической концепции культуры. При его активном участии сектор выпустил несколько сборников на тему соотношения науки и культуры.

С другой стороны, в начале 1980-х гг. мы с Матвеем Яковлевичем Ковальзоном завершали работу над книгой «Теория и история», где тема культуры была представлена уже отдельной главой. Все это и пробудило во мне интерес к философии культуры, изучению которой в настоящее время я посвящаю большую часть своего рабочего времени. Свою роль сыграло, конечно, и приглашение Ивана Тимофеевича Фролова перейти к нему в Институт человека. Как известно, проблема человека является одной из центральных в философии культуры.

Ю.М.: *Что Вас волнует в философском плане сегодня? Изменились ли Ваши взгляды и идейные предпочтения на протяжении последних восьми – десяти лет? Насколько можно предположить, что сегодняшний Келле продвинулся дальше или глубже, чем Келле 1970-х – середины 1980-х гг. в прошлого века? Можете ли Вы сказать, что, став «патриархом философии», Вы постигли глубины философского знания, проникнув в запретную сущность мира?*

В.Ж.: Представление меня в благостном образе патриарха, постигшего запретную сущность мира, могу воспринять лишь иронически.

Конечно, в оценке конкретной социальной действительности и советской власти в целом многое пришлось переосмыслить, но основные идейные позиции я старался сохранять; к изменениям политической конъюнктуры не приспособлялся; своих философских взглядов не менял. Я исходил из того, что теория, методология, категориальный аппарат философии марксизма вовсе не устарели, напротив, открывают возможность выработки позиции объективного подхода к изучению тех изменений, которые происходят в жизни современного общества. Поэтому весь теоретико-методологический инструмент марксизма необходимо использовать для анализа и оценки действительности, а не рабского следования за ней... Чтобы теория и дальше была способна выполнять свои функции, на мой взгляд, надлежит изучать пройденный путь, учитывая как победы, так и поражения; как положительный, так и отрицательный опыт прошлого, извлекая уроки на будущее. В последние годы актуальными для меня стали проблемы, касающиеся современной интерпретации марксизма, разработки теории исторического процесса, глубинных причин падения советской власти, а также перехода России на путь инновационного развития.

Ю.М.: *Владислав Жанович! Что для Вас означает мудрость человека? Глубина познания, взвешенный подход в отношении к жизни и людям, умеренность во всем, скупость эмоциональных проявлений или еще что-то? Считаете ли Вы себя мудрым человеком?*

В.Ж.: Вы все время подталкиваете меня к публичной самооценке. Но это не в моих правилах. Мудрость, я полагаю, есть органическое единство ума, знаний и большого жизненного опыта с высокими нравственными качествами и твердым характером человека. К Вашей характеристике мудрости следует добавить идею понимания и глубокого проникновения в мир другого. А это дается лишь с опытом.

Ю.М.: Как известно, дух человека не стареет и при систематической работе сохраняет свою молодость на многие и многие годы. В чем проявляется молодость Вашего духа? В непрекращающемся поиске истины, дерзновении, беспокойстве, непрерывном движении к новым вершинам философского познания? В чем еще?

В.Ж.: Мне остается только поблагодарить Вас за эти лестные эпитеты. Мне кажется, в пожилом возрасте не дает духу стареть сохранение интереса к жизни, к окружающим, увлеченность своей работой, а также умственная и физическая активность.

Ю.М.: *Владислав Жанович! У многих людей старшего поколения можно наблюдать консервативность, проявляющуюся в отношении собственного жизненного уклада, неприятие образа жизни других людей, особенно молодых. Ну а главное – отсутствие рефлексивной позиции, т.е. утрату ими способности видеть себя со стороны, в т.ч. глазами других людей. Что Вы можете сказать о себе? Насколько Вы консервативны в жизни, человеческих отношениях? В какой мере Вы соизмеряете свои мысли и поступки с поведением других людей, считаетесь с их отношением к Вам?*

В.Ж.: Конечно, известная консервативность в моем образе жизни, в поведении, во взглядах имеет место. Отчасти она естественна. Но я не согласен с теми, кто взгляды людей ставит в прямую зависимость только от их возраста. Старики тоже бывают разные. Я не хочу подробнее вдаваться в эту тему. Скажу лишь, что кондовым обывательским консерватизмом по отношению к молодежи, мне кажется, я не страдаю. Проблемы молодежи беспокоят меня с иной стороны. Полагаю, что от нынешнего состояния молодежи, ее активности и инициативы зависит будущее России. Наша смена должна быть здоровой, образованной и хорошо воспитанной. К сожалению, со всем этим у нас пока большие проблемы, в т.ч. социальные. Их надо решать, не теряя времени.

Отношения с родными, друзьями, коллегами, просто знакомыми я, как это вообще принято, строю на началах взаимности. Я ценю эти отношения и стараюсь их поддерживать. Давным-давно, прочитав «Три товарища» Ремарка, я принял для себя принцип, что человеческие отношения – это самое главное в моей жизни. И этого принципа я придерживаюсь и сейчас.

Ю.М.: *У каждого человека имеются недостатки, проявляющиеся в манере поведения и общения. Некоторые из них вызывают раздражение окружающих людей, порождая ненужные напряжения и конфликты. Вы – человек толерантный во всех отношениях. И редко допускаете напряжение и конфликты в отношениях с другими людьми. Но ведь и у Вас есть свои проблемы в общении, манере преподнесения себя. В чем они выражаются? Где находится предел Вашего терпения? Что именно в людях Вы не принимаете ни при каких обстоятельствах?*

В.Ж.: Мой стиль поведения складывался стихийно, под влиянием семьи, школы, улицы, особенностей моего характера и жизненного пути. Так что все достоинства и недостатки мне органичны и не являются продуктом систематического целенаправленного воспитания. А над своей манерой поведения я не задумывался. Мне импонирует естественность поведения. Чем меньше масок человек надевает на себя, тем лучше. Подлость и предательство я не прощаю, фанатизм и ксенофобию не приемлю, подхалимов и хамов не терплю.

О времени, в котором мы живем

Ю.М.: *Владислав Жанович! От людей старшего поколения иногда приходится слышать подобные высказывания: «В наше время все было по-другому» или «Мое время прошло». Какое время Вы считаете для себя наиболее продуктивным с точки зрения возможностей реализации творческого потенциала: 1960–1970-е гг., 1980-е гг. – время «перестройки», 1990-е гг. и «постперестроечный» период или сегодняшние 2000-е?*

В.Ж.: К себе я не отношу подобные рассуждения. Напротив, я считаю, что годы войны и все этапы нашей послевоенной истории прошли через меня. Я бы выделил шесть таких периодов, удивительно совпадающих с периодами пребывания у власти первых лиц государства: «*сталинский*», с его победами и противоречиями, жестокостью и дикими репрессиями, разгромными идеологическими кампаниями и засильем догматизма; «*хрущевская оттепель*», породившая шестидесятников; «*брежневская эпоха*» обострения идеологической борьбы, период стабильности, перерастающей в стагнацию; «*горбачевская перестройка*» — глоток свободы и обманутые надежды; «*ельцинский*» период и его неизбежные следствия — падение советской власти и развал СССР, экономический кризис, деградация науки, ослабление государства, угроза распада страны; «*приход Путина*» — курс на возрождение России как социального государства и великой державы, на смену сырьевого вектора развития страны на инновационный.

Мое время, как одного из авторов популярного когда-то учебника по историческому материализму, вероятно, прошло. Люди старшего и среднего поколений вспоминают наши с М.Я. Ковальзоном работы, по которым они учились, но молодому поколению они неизвестны. Сейчас действительно все другое. Но я сам тоже другой, и коллеги, с которыми я работаю, конечно, делают скидку на мой возраст, но вовсе не относят меня лишь к прошлому. Я занимаюсь современными проблемами философии и науки.

Перечисляя пережитые времена, я бы выделил «оттепель». Для меня это было весьма продуктивное время. В эти годы началось наше творческое содружество с М.Я. Ковальзоном, длившееся почти 30 лет. Вышли наши первые книги. Мы с Ковальзоном защитили докторские диссертации. Я вошел в состав редколлегии «Вопросов философии», стал сотрудником Института философии и возглавил сектор исторического материализма. В период «оттепели» мы много публиковались.

Довольно продуктивными были для меня и 80-е гг. Тогда я работал в области науковедения и социологии науки, но одновременно продолжал сотрудничать с Ковальзоном. В 1981 г. увидела свет наша книга «Теория и история». В связи с ее подготовкой мы с Матвеем Яковлевичем начали работать над проблемами философии культуры. В 1980-е гг. появились наши публикации и по этой проблематике. В 1984 г. под моей редакцией был опубликован сборник «Проблемы философии культуры», в котором собраны статьи наших известных авторов. В 1988 г. я опубликовал книгу «Наука как компонент социальной системы», подведя теоретический итог своим разработкам в области социологии науки.

В 1990-е гг. главным для меня был вопрос об осмыслении того, что произошло в стране и со страной. Особо меня интересовала судьба российской науки. Власти бросили ее на произвол судьбы и, исходя из того, что у нас слишком много науки и ученых, спокойно наблюдали за тем, как талантливые ученые и молодежь утекают за рубеж искать не счастья, а нормальных условий для работы, для приложения своих знаний и способностей.

Страна двигалась по пути развития сырьевой экономики и не нуждалась ни в науке, ни в новых технологиях. Я начал заниматься проблемами инновационного развития. В 1995 г. была опубликована моя первая статья на эту тему. Тогда же я перешел в Институт человека РАН, где продолжал исследования в области философии культуры. В 1999 г. увидела свет подготовленная нами коллективная монография «Цивилизация, культура, личность».

Новое столетие ознаменовалось для меня началом систематической разработки проблем разграничения и соотношения духовной и интеллектуальной ветвей культуры. В 2005 г. в «Вопросах философии» опубликована моя статья на эту тему, которую можно считать программной. Так что во все прожитые мной времена, трудные они были или благоприятные, работа шла, соответственно, с большей или меньшей отдачей.

Ю.М.: *Считаете ли Вы себя современным человеком, современным в том смысле, что Вы себя чувствуете представителем данной эпохи, выражаете сопричастность к ней и к тому, что происходит с Вами и всеми нами?*

В.Ж.: Конечно считаю.

Ю.М.: *Как считают многие исследователи, мы живем в эпоху глобализации. Разделяете ли Вы убеждение в неизбежности глобализационных изменений, в т.ч. их отрицательных последствий для нашей страны?*

В.Ж.: Полагаю, что мы уже переживаем отрицательные последствия нашей включенности в процессы глобализации. Свидетельством тому является финансовый и экономический кризис, серьезно затронувший нашу страну.

Ю.М.: *Сегодня Россия изменилась даже по сравнению с тем периодом, который Вы называете «ельцинским». Что вызывает у Вас неприятие в социальных переменах нынешней России? Что или как могло бы быть по-другому?*

В.Ж.: Непонятно, почему Вы ставите сразу вопрос о «неприятии». Прежде всего, я многое принимаю. Я поддерживаю курс на инновационное развитие страны. Россия – огромная страна с великой культурой, высоким интеллектуальным потенциалом, талантливым народом, большими природными богатствами. Она вообще может существовать лишь как сильная и великая держава. Если она будет слабой, второразрядной, ее сомнут. Переход с сырьевого на инновационный путь развития – цивилизационный императив, обеспечивающий суверенитет России, способность самостоятельно решать свои социально-экономические проблемы и занимать достойное место в мировом сообществе.

Поэтому у меня вызывает активное неприятие слишком длительная задержка на сырьевом векторе развития экономики, низкие темпы технологического обновления производства. Я полагаю, что кризис воочию показал абсурдность бытующей у нас либеральной установки на полный уход государства из сферы экономики. Не принимаю я алчность и отсутствие социальной ответственности у российской буржуазии, социальные болезни российского общества (коррупцию, преступность, пьянство, наркоманию и т.д.) и многое другое.

Ю.М.: *Как Вы оцениваете политику правящих кругов по отношению к науке и ученым? Достаточно ли государство делает для того, чтобы использовать научный потенциал для обеспечения устойчивого роста, научно-технического прогресса и инновационного развития страны?*

В.Ж.: Из ответа на предыдущий вопрос очевидно, что государство многого не сделало в этой области. Его научная политика была противоречивой. Поэтому мои оценки неоднозначны. Сейчас на президентском уровне, где определяются цели и ставятся стратегические задачи, подтверждено значение инновационного вектора развития страны, признана необходимость создания обеспечивающей его специальной системы высшего образования (федеральные университеты) и развития наукоемкого производства. Государство усиливает свое присутствие в области фундаментальной науки, заботится о создании технопарков и мощных научно-технологических центров.

Но когда эти стратегические установки трансформируются в цели и задачи конкретной научной политики на уровне министерств и ведомств, то появляются различные планы, которые либо искажают первоначальные цели, либо ставят их под сомнение и даже исключают вообще возможность их реализации. До сих пор, к примеру, нет ясности в вопросе о том, является ли фундаментальная наука высшим приоритетом для политики государства.

Так, в течение многих лет, министерские чиновники сводили все реформы РАН к сокращению численности научных работников. А некоторые вообще настаивают на том, что для создания в России эффективной «компактной» науки следует ликвидировать РАН как остаток громоздкого советского учреждения, и, пользуясь этими идеями как лозунгами, систематически организуют атаки на РАН, ограничивая ассигнования на новое научное оборудование и «недоиспользуя» ее научный потенциал в полной мере. Кроме того, вяло решаются проблемы создания правового поля для развития инновационной деятельности, коммерциализации научных разработок; очень медленно развивается малый инновационный бизнес и т.д. Итог таков: Россия по-прежнему сидит на нефтяной игле. Поэтому кризис оказался для нее весьма трудным испытанием.

Ю.М.: *Что бы Вы предложили для эффективной реализации национальной программы инновационного развития России?*

В.Ж.: Такой программы на уровне научной политики у России пока нет. Имеются лишь ее некоторые элементы. Надо выработать программу, адекватную сформулированным стратегическими целям, и последовательно ее реализовывать.

Ю.М.: *Разделяете ли Вы убеждение в том, что у каждой страны, города есть своя метафизика, которую невозможно постичь только средствами науки? Что для Вас означает выражение «метафизика России»?*

В.Ж.: Бесмысленное словосочетание. Но за ним кроется ощущение реально большой проблемы. «Общество знаний», к которому стремятся развитые страны, не может быть основано только на науке и технологии. Что это было бы за общество, почитайте у Рея Брэдбери в «45° по Фаренгейту». Это страшное общество. В создании «общества знаний» огромная роль принадлежит духовной культуре. Оно должно иметь полноценную культуру – интеллектуальную и духовную. Под духовной культурой я имею в виду не только религию, но и мораль, искусство, гуманистическое мировоззрение, словом, все то, что относится к смысложизненным проблемам человека как субъекта, индивидуальности, личности, формам его общения, отношению к коллективу, обществу. При этом нельзя забывать, что кроме религиозной духовности имеется еще и светская духовность.

Ю.М.: *Ваш прогноз ближайшего будущего России? Каким Вы видите современный мир и место в нем России через 5-10 лет? Удастся ли России сохранить свою социокультурную и территориальную целостность в отдаленной перспективе?*

В.Ж.: Частично я уже на эти вопросы отвечал. Оптимальным для нее является инновационный путь развития. Я бы назвал его современным вариантом модернизации России. Начиная с Петра I модернизация (а ее первые ростки появились даже несколько раньше) была для страны проблемой, которая время от времени выдвигалась на первый план. Последняя успешная модернизация, за которую народ заплатил огромную социальную цену, была сталинская индустриализация. Она стала материальной базой победы советского народа в войне с фашизмом и довольно быстрого восстановления народного хозяйства в послевоенный период.

Затем бывшие военные союзники развязали против СССР «холодную войну», навязав гонку вооружений. Государство было вынуждено создавать мощный научно-военно-промышленный комплекс, втянувший в свою орбиту огромные интеллектуальные и материальные ресурсы страны. Достаточно сказать, что три четверти всех ассигнований на науку шли в сферу обороны. «Холодная война» в области производства означала жесткую конкуренцию с реальным соперником. Задача состояла в том, чтобы количество и, что особенно важно, качество нашего вооружения позволяло поддерживать баланс сил и сдерживало потенциального противника от возможных военных авантюр. Эта задача тогда была решена.

Но в мире развертывалась научно-техническая революция, и политическое руководство страны понимало необходимость технологического обновления всей экономики — промышленности, транспорта, сельского хозяйства, т.е. осуществления новой модернизации. Однако предпринятые в этом направлении попытки оказались недостаточными, в силу чего модернизация не состоялась. Ее провал заставил страну перейти на сырьевой путь развития. Удельный вес нефти, газа и другого сырья в экспорте стал быстро возрастать, и уже при советской власти перевалил за половину.

Объявленное М.С. Горбачевым ускорение научно-технического прогресса в СССР также не удалось осуществить. Смена форм собственности на основные средства производства привела не к развитию, а к спаду производства, системному кризису. Появившиеся при Ельцине «новые русские» оказались плохими хозяевами, причем весьма жадными. В своем большинстве они заботились не о совершенствовании производства, а о сиюминутных выгодах и прибылях. Собственность им досталась за бесценок, без больших усилий, как неожиданный подарок. Поэтому они ее не ценили, а воспользовались, чтобы набить свои карманы. Богатства страны перестали работать на ее развитие.

Наши футурологи показали, что возможно несколько сценариев развития страны, в том числе ведущих к застою и деградации.

Вопрос о необходимости перехода на инновационный путь развития на государственном уровне поставил в начале нового тысячелетия В.В. Путин, уже будучи президентом РФ, а затем активно поддержал новый президент Д.А. Медведев. Из сказанного ясно, что эта задача досталась в наследство от советских времен. Сможет ли ее осилить современная Россия? До сих пор страна продолжает шествовать по сырьевой дорожке. Надо переломить эту тенденцию и выйти на новый уровень. Интеллектуальный и экономический потенциал для инновационного развития у нашего общества имеется. Надо его усиливать, преодолевая сопротивление сил, не заинтересованных в этом переходе. Для страны это *коренной вопрос*. Его решение зависит от многих обстоятельств, и прежде всего от поддержки народа, активного участия в политике молодежи и конечно же от политики государства. Будем надеяться, что Россия найдет в себе силы и ей удастся реализовать оптимальный вариант, тогда она сможет заложить основы экономики знания.

Ю.М.: *Что Вы могли бы пожелать молодым людям, вступающим в науку?*

В.Ж.: Каждая эпоха решает свои задачи, сталкивается со своими проблемами. Когда началась война, мне было 20 лет. На долю нашего поколения выпала тяжелейшая задача — отстоять в боях с жестоким врагом, с силами зла, которые мы именovali «фашистской сворой», свободу Отчизны, независимость Родины. Наше поколение выполнило задачу, поставленную перед нами историей.

Очевидно, что главной задачей поколений, вступающих во взрослую жизнь, особенно тех, кто сферой приложения своих сил и способностей избрал науку, технологию, управление, общественную деятельность, является перевод России на инновационный путь развития, т.е. путь, основанный на всестороннем использовании интеллектуального потенциала общества, путь, открывающий перед страной перспективу прогресса и процветания. Я желаю нынешним молодым поколениям успешного решения этой задачи и достижения поставленных целей.

Ю.М.: Большое Вам спасибо за интересный и откровенный разговор.

Примечания

1. См.: *Философия как призвание и профессия (интервью с проф. В.Ж. Келле) // Личность. Культура. Общество. 2002. Том 4. Вып. 1-2 (11-12). С. 352-379.*

О ЛЮБОПЫТСТВЕ В НАУКЕ И ГУМАНИТАРНОЙ РЕФЛЕКСИИ (ИНТЕРВЬЮ Ю.М. РЕЗНИКА С ПРОФЕССОРОМ Д.И. ПОЛЫВЯННЫМ, 15 МАЯ 2010 Г.)

Дмитрий Игоревич Поливьянный — доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Ивановского государственного университета, заместитель главного редактора нашего журнала.

Дмитрий Игоревич Поливьянный — человек потрясающей эрудиции и огромного человеческого такта. Наши многочисленные беседы с ним только усилили во мне это убеждение. Его меткие замечания на заседании редколлегии журнала и редкие по аналитической глубине размышления о проблемах науки и образования характеризуют в нем человека высокого интеллекта и добротной профессиональной культуры. Мне не так часто приходилось общаться с историками, но полагаю, что в лице Дмитрия Игоревича я встретил одного из ее лучших представителей. И здесь дело не только в хорошем знании исторических фактов, но и в умении выстроить из них целостную картину. И в этом ему помогают интерес к философии и междисциплинарные исследования, которые он проводит на протяжении многих лет.

Д.И. Поливьянный обладает еще одним ценным качеством — умением тактично и в то же самое время настойчиво побуждать людей к выполнению своих обязательств. В нем сочетаются как у организатора науки требовательность к своим коллегам и готовность помочь им.

Но было бы не правильно не отметить хотя бы один «недостаток», присущий Дмитрию Игоревичу. Слишком уж радужным и почти идеальным получается его портрет. С моей субъективной точки зрения, он слишком предусмотрительный человек, знаю-